

Б.Л. Шапиро

ГРАНИЦЫ МАСКУЛИННОСТИ В РУССКОМ ВОЕННО–ПРИДВОРНОМ КОСТЮМЕ XVIII ВЕКА: СУКНО ПРОТИВ КРУЖЕВА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурная антропология, русская культура, галантный век, мужской костюм, мундир, мода

АННОТАЦИЯ: в статье исследуется динамика трансформации гендерных границ в русской культуре XVIII столетия. Маркером, позволяющим уточнить контуры «новой маскулинности», сложившейся в условиях галантного века, избран костюм как часть его культурной истории. Сопоставляется русская придворная мода и ее версальский прототип; выявляются органичность усвоения заимствований и оригинальность интерпретации в контексте поставленной проблемы.

Историю русского придворного костюма XVIII столетия можно считать вопросом довольно неплохо изученным. Исследовательский интерес к нему имеет свою давнюю традицию. На настоящий момент историография вопроса представлена достаточно обширным списком, в котором с различной степенью глубины и охвата рассматриваются различные проблемы как общего, так и конкретно–прикладного эмпирического характера.

Анализ этого массива обнаруживает лауну, плохо заполненную вплоть до настоящего времени. Известно, что на современном этапе изучения костюм рассматривается не столько как совокупность элементов одежды, но как определенный код, система понятий, образов и связанных с ними моделей поведения, раскрывающих не только внешнюю, но и скрытую динамику развития культуры. Благодаря этому

Белла Львовна Шапиро, к.и.н., доцент кафедры музеологии, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), b.shapiro@mail.ru

подходу стало возможным относительно новый для отечественной науки социокультурный ракурс исследований, что позволяет рассматривать историю костюма в контексте культурной и гендерной антропологии.

Согласно теории Дж. Крейк, в те времена война не усиливала, а ослабляла маскулинность мужского европейского костюма. Если анализировать русский придворный костюм с этой точки зрения, становится очевидным, что влияние на него трансформации гендерных моделей, вызванной затяжными войнами (например, периода «Великих войн» Нового времени, от Тридцатилетней 1618–1648 гг. до Семилетней 1756–1763 гг.) изучено недостаточно. Исследователями рассматривались прежде всего важные стратегические вопросы этого периода (начальное формирование русского костюма по западноевропейскому типу, его синхронность или асинхронность относительно прототипа, развитие и дальнейшая дифференциация). Поэтому представляется необходимым еще одно обращение к его истории.

Обыкновенно всплеск гендерно–перевернутых образов и коннотаций, имеющих отношение к истории костюма, связывают с французской культурой времен правления Людовика XIV (1643–1715) и Людовика XV (1715–1774). В это время Франция была в авангарде моды, особенно мужской; желанным ориентиром для всей Европы стал версальский костюм.

В первый период господства версальских мод (1643–1660) из-за специфического покроя верхней одежды, максимально укороченной и зауженной, центром композиции мужского костюма стала рубашка, украшенная кружевными воротником и манжетами. В 1661–1685 гг. такие кружевные

рубашки стали дополняться изысканными галстуками или шейными платками¹.

Кружевная версальская мода была известна уже в допетровской Москве: так, царь Алексей Михайлович заказывал англичанину Ивану Гебдону, через которого в середине XVII в. в Россию поступали «королевские ... узорочные товары» на суммы в десятки тысяч рублей², купить «кружев, в каких ходят шпанской и французской король и цесарь»³.

Однако мода на изящную галантерею по французской моде здесь пока не получила массового подражателя, будучи ограничена только ближайшим окружением царя и двором. Отдельные предметы костюма обнаруживались у царей, сановного дворянства и придворных низкого ранга, чей костюм представлял причудливое смешение относительно самостоятельных и заимствованных элементов. Чаще всего европейская одежда употреблялась как ездовое (выездное, парадное) или неформальное платье⁴.

Но все же интерес к чужеземному платью был велик, и, по достижении «критической массы» его элементов в русском костюме последовал царский указ «О ношении платья и нестрижении волос по иноземскому обычаю... чтоб... тако ж и платья, кафтанов и шапок, с иноземских образцов не носили, и людям своим потому ж носить не велели» (август 1675 г.)⁵. Этот указ, разграничивший традиционную русскую и инокультурную одежду, относился к последним месяцам правления Алексея Михайловича.

1 Шапиро. 2017b: 121.

2 Гурлянд. 1903: 7, 48, 50.

3 Бакланова. 1928: 99.

4 Шапиро. 2017в. С. 133.

5 ПСЗРИ I. 1830: 1007–1008.

Его преемник царь Федор был приверженцем не традиционной, но польской одежды; неофициальным дополнением новой моды стало брадобритие и ношение париков⁶, что вполне укладывалось в общеевропейский контекст последней четверти XVII в. Эта программа по преобразованию внешнего облика, рассчитанная исключительно на узкий круг придворных, была довольно прогрессивной для России.

Пик великолепия мужского костюма версальского типа в европейской моде пришелся на 1685–1715 гг. Эскалация роскоши в это время достигла максимума; щегольство в мужском костюме приобрело характер мании.

В это время европейском мужском костюме все больше ценилась изысканность и утонченность. Основным потребителем модных новинок стал мужчина, о достоинстве которого «... судят по ширине... кружев на его белье, и уважение к нему возрастает в зависимости от их ценности, по ступеням — от понтиньяка до генуэзских»⁷.

Современники отмечали версальские моды как «странную пору, когда мужчины внешне стремились походить на женщин»⁸. В это время цари и царедворцы — сановники, вельможи и военачальники — носили «длинные завитые волосы, посыпанные пудрой и надушенные духами, пряжки и на башмаках и коленях заменены для удобства шелковыми бантами. Шпага надевается как можно реже. На руки надевают перчатки, зубы не только чистят, но и белят, лицо румянят. Не желая ни в чем отставать от женщин... [модник] употребляет тонкое полотно и кружева, обвешивает себя часами, надевает на пальцы перстни, а карманы наполняет

6 Шамин. 2005: 35.

7 Градова. 1987: 130.

8 Маккензи. 2010: 14.

безделушками»⁹. Эти детали кардинально изменили облик «идеального» мужчины конца XVII — начала XVIII вв., вполне легитимно придавая ему феминный кукольно-неестественный вид¹⁰.

Подчеркнуто феминную природу кружево приобрело только на исходе XVIII столетия, в преддверии «Великого мужского отказа». В это время мужское белье, украшенное воздушными кружевами, перестало выступать главным акцентом всего костюмного ансамбля, чего нельзя сказать о женской моде.¹¹

Русский двор близко познакомился с версальской модой в последние годы XVII столетия, когда участникам Великого посольства были приготовлена специальная одежда, в том числе и «накладные волосы кавалерские», то есть парики¹². Широкую популярность она получила с 1700 г., как известно, сперва принудительно, по приказу Петра I, а затем из подражания: известно, что русская аристократия, несмотря на личное пристрастие монарха к голландской и немецкой культуре, ориентировалась именно на французский образец. Вопреки последовательно проводимой политике против роскоши, фактически Петр не препятствовал щегольству царедворцев: сам он открыто пренебрегал внешними атрибутами статуса, однако любил блестящее окружение «для славы и красоты государства»¹³. «Чтоб каждый такой наряд, экипаж и ливрею имел, как чин и характер его требует», — было сказано в петровской «Табели о рангах...»¹⁴.

9 Киреева. 1970: 110.

10 Шапиро. 2017b: 122.

11 Шапиро. 2018: 79.

12 Суслина. 2003: 158.

13 Михневич. 1889: 40.

14 ПСЗРИ VI. 1830: 493.

Значимость «чужевластья мод» для царедворца «испытал на себе Ф. Вебер, приехавший в 1714 г. в Петербург в качестве брауншвейгского резидента. Тотчас по приезде он получил приглашение на пир от адмирала Апраксина и явился туда в скромном платье без всяких украшений и знаков своего посольского достоинства.

Когда я, — *рассказывает Вебер*, — подошел к офицеру, стоявшему на страже у входа в залу, с просьбою пропустить меня, то он отказал мне в грубых выражениях и погрозил бердышем; когда же я сослался на мое право и на приглашение, то меня пренагло вытолкали вниз по лестнице. Злополучный резидент успел попасть в дом Апраксина только при посредстве одного из своих друзей-дипломатов, который при этом в виде наставления сказал ему, что он в своем простом хотя и опрятном кафтане может подвергнуться еще большим неприятностям и даже опасностям, если не прикажет обшить его по всем швам серебром или золотом¹⁵.

В новой государственной системе костюм стал определенным кодом, визуальным обозначением принадлежности его носителя к «большому свету» и указывающим на положение личности в социальной иерархии. Соответственно эстетике нового века, великолепие одежд многократно умножалось блеском золотосеребряного шитья и позументов, алмазных и золотых перстней, пуговиц и пряжек, изяществом кружевных манжет и галстуков.

В авангарде моды в петровское правление выступали Ф.Я. Лефорт, А.М. Черкасский (Илл. 1), Ф.М. Апраксин, братья Трубецкие и др. Целое состояние стоили роскошные парчовые костюмы коменданта Москвы и сибирского губернатора М.П. Гагарина, украшенные крупными алмазными и золотыми пуговицами и кружевами. Поражали воображение вещи, безусловно имеющие непосредственное отношение к фор-

15 Цит по: *Михневич*. 1889: 43.

мированию образа придворного галанта — кружевные простыни корабела-чиновника, «адмиралтейца» А.В. Кикина¹⁶.

Среди прочих особо выделялся А.Д. Меншиков (Илл. 2)— красавец в яркой и богатой одежде, бриллиантах и белом объемном парике «львиная грива». Талантливый управленец и полководец—универсал, знавший пехотное, кавалерийское, артиллерийское дело, совместно с Великим Петром создавший новую Российскую империю, он отдавал щедрую дань внешним проявлениям галантной культуры. Так, по описи 1728 г., светлейшему князю принадлежали 147 рубах без манжет и с кружевными манжетами, и около 50 кружевных галстуков, 55 пар кружевных и шёлковых чулок, 25 париков, парчовые домашняя одежда и туфли¹⁷, по менее известной описи 1732 г. — еще и соболья муфта¹⁸.

Буквально утопал в пене кружев князь С.П. Долгоруков, в гардеробе которого в 1717 г. отмечены многочисленные кружевные домашние уборы, а также тонкие полотняные сорочки с кружевными манжетами и кружевные галстуки, в числе которых «один с кистями жемчужными»¹⁹. Согласно моде, жемчужные концы таких галстуков намеренно выпускали поверх камзола на всеобщее обозрение. Любовь к мужскому красивому белью в это время перешла все разумные границы. По новой моде камзол даже военного мундира застегивался минимально, чтобы продемонстрировать изысканную рубашку из тонкого полотна; случалось, что и камзол, и кафтан носили нараспашку.

16 Тихонов. 2011: 86, 99–100.

17 Андреева. 2013: 261; Бердников. 2008: 140; Шапиро. 2017b: 123.

18 Жаркова. 2013. С. 173.

19 Роспись приданому. 1898: 7; Шапиро. 2016: 40.

Именно в петровское правление влияние мундира на стилистику партикулярного костюма максимально велико. Появляются первые форменные регламенты — описания образцовых вещей, правила ношения и пригонки обмундирования и амуниции. Мундир получает значение наиболее актуальной мужской одежды, эстетика которой наилучшим образом соответствует как военным регламентам, так и придворному этикету.

Придворный в мундире сочетал в себе две самые эффектные ипостаси столетия — галанта и воина. В результате главным потребителем товаров, которые прежде предназначались для усиления женской привлекательности — тонких тканей нежных и ярких оттенков, кружева, накладных волос и других специфических аксессуаров — становится придворный. Эта манера одеваться, смесь любви к изысканному с «обыденной реакцией на грубую реальность войны»²⁰, стала образцом для мужской моды XVIII столетия, времени, насыщенного «войнами в кружевах»²¹ как никакое другое. Говорили, что согласно этикету периода «Великих войн», обыденными были «кружевные перемирия» — с тем, чтобы воюющие стороны могли привести в порядок свой гардероб: «постирать свои кружевные воротники и манжеты, а потом просушить их, развесив на прикладах мушкетов»²².

Оформление нового типа придворного наблюдается уже при дворе Екатерины I. Характерная фигура этого времени — галант Екатерины В.И. Монс — брат фаворитки Петра I, «генеральс-адъютант от кавалерии», герой Северной войны (сражения при Лесной, Полтавская битва), который с два-

20 Крейк. 2007: 26.

21 Шапиро. 2017b: 126.

22 Буровик. 1985: 63.

дцати лет был на военной службе. Военные успехи не препятствовали карьере дамского галанта; Монс владел обширным изящным и весьма оригинальным гардеробом, уделяя много внимания своему внешнему виду и светским манерам.

[Этот] бело-розовый... женственно-красивый камергер... знаменовал собой появление в России нового культурно-исторического типа военного-придворного, — *отмечает исследователь русской куртуазной культуры XVIII столетия Л.И. Бердников*. — Его повышенный интерес к дамам, внимание к собственной внешности, изысканные манеры и куртуазное поведение... станут характерными чертами шеголя-петиметра, укоренившегося у нас к середине XVIII века²³.

В этом контексте весьма красноречиво описание имущества В.И. Монса. Согласно описи 1723–1724 гг., ему принадлежали самые разнообразные, но всякий раз изысканные камзолы и кафтаны (штучные, то есть отдельные, а также, пары «кафтан+камзол» и полные комплекты, включающие штаны), в том числе «кафтан кофейный галанской фондишпании»²⁴. «Фондишпании», или «подишпаны» (*Point d'Espagne*) — особый вид кружева из пряденых золотых или серебряных нитей, которые скреплялись между собой тонкими сцепками. Основным его отличием был весьма специфический узор — непрерывный растительный, довольно плотный, выдержанный в иррациональной стилистике барокко. Это очень необычное, эффектное кружево, которое весьма высоко ценилось и в Западной Европе (его большим поклонником, например, был Людовик XIV), и в России²⁵.

Интересно внимание, которое уделял Монс той традиционно мужской сфере деятельности, где дорогие породистые

23 Бердников. 2008: 106–107.

24 Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса. 1994: 369.

25 Шапиро. 2017а: 80.

кони и их драгоценное убранство выступали как атрибуты власти, а умение управляться с ними ассоциировалось с молодецкой удалей. Судя по описи его имущества, одежда этого «бело-розового херувима»²⁶ в лучших традициях русской всаднической субкультуры составляла комплект с конским убранством, подчеркивая единство всадника и его коня.

Так, составляют идеальную пару «кафтан красный насыпной, камзол и на кафтане обшлага штофные серебряные по зеленой земле» и «чепрак и чушки красные с серебряным позументом и с кистями»; текстильное конское убранство, расшитое серебром, дополнялось серебряными же снастями «мундштук да уздечка с набором серебряным... цепочка серебряная под персидский мундштук»²⁷.

Кроме того, в гардеробе В.И. Монса отмечены:

— гарусные и шелковые чулки разных цветов (2 дюжины), преимущественно красные (6 пар) и пунцовые (8 пар), украшенные серебряной и золотой расшивкой и отдельные нашивки, приготовленные для отделки таких чулок;

— золотые и серебряные пряжки и подвязки с такими пряжками для чулок;

— белые волосы для париков;

— несколько десятков алмазных (50 шт.) и золотых (4 портища) пуговиц;

— шелковые рубашки и кружевные манжеты к ним;

— кружево, предназначенное для отделки шляп²⁸.

За ним также числились туфли с изображением Христа, жемчуга, синий и фиалковый парики²⁹. Идеи Монса относи-

26 Бердников. 2008: 107

27 Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса. 1994: 368–370.

28 Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса. 1994: 368–373.

29 Бердников. 2008: 106.

тельно актуальных направлений в мужской придворной моде были поддержаны другими фаворитами императрицы — П.И. Сапегой и А.М. Девиером³⁰.

В правление Петра II вектор развития моды оставался прежним. Тон в светском обществе задавал император, который сам имел сильную склонность к франтовству: в его гардеробе находились многочисленные парчовые и бархатные расшитые золотом кафтаны, роскошная домашняя одежда, шелковые чулки с золотыми и серебряными стрелками и неизменный *Point d'Espagne*³¹. «Визитной карточкой» Петра II (Илл. 3) называли «французские» обшлага³². Другим его «достижением» можно считать введение моды на косы и пудру, которая определила направление развития мужской куафюры вплоть до конца столетия.

При Анне Иоанновне придворная мода приняла несколько новый вид: теперь щегольство насаждалось сверху, принимая чудовищные формы. Так, например, известно настойчивое желание императрицы видеть своих придворных всякий раз в новом платье³³. Именно в это время понятие моды оформилось как феномен русской культуры, зафиксированный в словаре Эренрейха Вейсмана 1731 г.³⁴.

Известными модниками аннинского Двора считались Э.И. Бирон, Б.К. Миних и Р.Г. Левенвольде; последний «настаивал на том, что одежда мужчины должна быть обшита чистым золотом», к ней присовокуплялась шляпа с золотым кружевом, едва покрывавшая высокий напудренный тупей и

30 Бердников. 2008: 134.

31 Опись. 2017: 280–284.

32 Егоров. 2014: 12.

33 Павленко. 2002: 130.

34 Бердников. 2008: 184.

башмаки на высоких красных каблуках³⁵. Другую точку зрения на мужскую моду представлял Бирон, согласно которому костюм вельможи непременно должен быть выполнен в нежных пастельных тонах; сам он «5 или 6 лет сряду ходил в испещренных женских штофах»³⁶. Но именно Левенвольде пользовался репутацией законодателя мод; остальные пытались подражать первым щеголям, присоединяясь к той или иной позиции.

Среди эпигонов Левенвольде прежде всего нужно назвать сына полководца П.Б. Шереметева (Илл. 4), чья одежды, по словам современников, «наносили ему тягость от золота и серебра, и ослепляли блистанием очи»³⁷. Роскошью платья неизменно выделялся клан Долгоруких: Василий Лукич, который, по описи 1730 г., имел в своем гардеробе не только множество золотого «княжего платья» и сорочки с кружевными манжетами, но и полностью кружевные сорочки и галстук с бисерными кистями, а также 178 аршин кружева из «гардеробного запаса», и Юрий Владимирович с его кружевными простынями, шелковыми чулками, расшитыми золотыми и серебряными стрелками, парчовыми кафтанами и дюжиной «галздруков»³⁸. Стоит отметить, что галстуки были в центре новой моды. Так, среди галантереи сановника А.П. Волынского (Илл. 5), обнаруживается 70 галстуков, в том числе «галстук низаной в 3 нитки персидским мелким жемчугом». Также в его гардеробе отмечены 34 пары шелковых чулок, 25 пар лайковых перчаток и 14 рубах голландского полотна с кружевными манжетами³⁹.

35 Бердников. 2008: 185.

36 Миних. 1991: 165.

37 Цит по: Михневич. 1889: 44.

38 Тихонов. 2011: 118, 124, 183.

39 Тихонов. 2011: 197, 200.

Придворный мужской костюм этого времени по своей роскоши мог соперничать с женским и зачастую даже превосходил его. В неустанной заботе о своей внешности щеголи обратились к активному использованию косметических средств — парфюма, пудры, румян и помады. В качестве примера убежденного поклонника косметики прежде всего может быть назван фаворит Анны Леопольдовны польско-саксонский посланник граф М.–К. Линар:

высокого роста, хорошо сложен, рыжевато-белокурый, с нежным, как у женщины, цветом лица... Он так ухаживал за своей кожей, что каждый день перед сном покрывал лицо и руки помадой и спал в перчатках и маске... носил одежду самых светлых цветов — небесно-голубого, абрикосового, лилового, телесного⁴⁰.

Таким образом, к началу правления «прекрасной Елисавет» общество уже было подготовлено к появлению особого типа придворного щеголя — елизаветинского петиметра, принадлежащего к особому типу франкофонной культуры. Основным мотивом в ней было желание нравиться, что достигалось прежде всего безусловным следованием моде. Для этих «пленников моды» пудра, румяна, шелковые чулки и кружева означали много больше, чем предметы роскоши, составляя смысл жизни. Современники отмечали, что петиметр «сидит перед зеркалом несколько часов, подобно женщинам, белится, румянится и налепливает мушки»⁴¹. Он занимается этим с одинаковым, если не с большим энтузиазмом, чем женщина. Так в середине столетия упомянутые выше «тонкие ткани нежных и ярких оттенков, кружева, накладные волосы и другие специфические аксессуары» приобрели значение гендерно-усредненных «условно жен-

40 Балязин. 1999: 207–208.

41 Бордэриу, 2016: 205.

ских», а сам петиметр, наделенный феминными чертами, назывался не иначе как «мужчина–женщина»⁴².

В погоне за модой уровень потребления предметов роскоши с самого начала правления Елизаветы Петровны уравнивается с версальским или даже превосходит его; следствием стал Указ против роскоши от 11 декабря 1742 г., текст которого гласил: «так отныне никому богатых платьев отнюдь никому не делать... а носить платье суконное»⁴³. Отдельного упоминания удостоилось кружево как самый аттрактивный декор елизаветинской моды.

...Отныне и кружева кроме пяти классов отнюдь никому не носить, а тем пяти классам кружева носить не свыше трех пальцев, а со старыми кружевными уборами поступать по вышеописанному, как и о платье повелено (т.е. сдавать генерал-полицмейстеру для клеймения — *Б.Ш.*). А понеже на кружева сургучных печатей класть нельзя, и для того, дабы под видом старого новое кружево употребляемо не было, вместо сургучевых печатей класть черные печати таких чернил, чтобы оные вымыться не могли⁴⁴.

Однако фактически этого указ не касался приближенных императрицы, и двор продолжал утопать в роскоши. Там во времена «веселой императрицы» действовали другие законы — законы изящества, роскоши и великолепия, поскольку «щеголяя сама, императрица Елизавета любила видеть и свой двор роскошно одетым»⁴⁵. Тон при дворе задавали петиметры Н.А. Бекетов, один из богатейших людей страны К.Г. Разумовский (младший брат галанта «прекрасной Елисавет» А.Г. Разумовского) и, немного позднее, фаворит императрицы И.И. Шувалов. В кружевных нарядах красовал-

42 **Бордэриу.** 2016: 199.

43 **Лехович.** 2013: 173.

44 Там же.

45 **Трефолев.** 1882: 219.

ся «веселый щеголь»⁴⁶ лейб–кирасир князь К.И. Дашков, получивший изысканные наряды в приданое за дочерью графа Р.И. Воронцова Екатериной. Частью богатого приданого были две дюжины голландских мужских сорочек стоимостью в 200 р., и шесть пар мужских кружевных манжет к ним на такую же сумму⁴⁷. Известная уже манера ношения кафтана и камзола нараспашку дополняется «оципанностью их покровев»⁴⁸, которая позволяет продемонстрировать тонкое ажурное белье.

Предпочтения представителей двора распространялись и на их окружение. Так, обмундирование гренадеров Лейб-компании — телохранителей императрицы — согласно регламенту, состояло из зелено–красных кафтанов, украшенных золотым галуном и эполетами, красных штанов и камзола с таким же галуном, штиблет, красной шапки с перьями, «манжет и галстука белых, кисейных, с кружевами»⁴⁹.

Итак, прочное положение изящной (в прежние времена дамской) галантереи в военно–придворном костюме галантного века признавалось даже мундирными регламентами, что, безусловно, свидетельствует о трансформации границ гендера, если не о намеренном их стирании.

Этот период истории может быть проиллюстрирован работой придворного живописца Г.К. Преннера «Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны со свитой» (Илл. 6), где изображены вельможи в мундирах, женщины же — в рыцарских латах; все персонажи, включая женщин, вооружены шпагами. Стоит отметить, что латы здесь присут-

46 **Знаменитые россияне.** 1996: 27.

47 **Роспись приданому.** 1881: 381-382; **Шапиро.** 2016: 40.

48 **Михневич.** 1889: 39.

49 **Пушкарев.** 1844: 215.

ствуют не в качестве реальной одежды, но как традиционный элемент парадного портрета столетия. Несомненно, смена концепции нормативной маскулинности сопровождалась изменениями не только во внешней атрибутике, но и во внутренних ощущениях ее границ.

Очередное изменение в мундирной идеологии наблюдалось в недолгое царствование Петра III. Вот что пишет ведущий исследователь русской униформы «осмнадцатого столетия» В.И. Егоров:

...равняясь по новейшей европейской моде... мундир следовало укоротить, обузть и придать ему декоративности, в первую очередь за счет расцветки. Монотонная гамма армейского обмундирования вдруг преобразилась до неузнаваемости. Пехотный кафтан из темного стал светло-зеленым, кавалерийский — из темно-синего белым. Красные камзолы сменились белыми, палевыми, лимонно-желтыми и померанцевыми... Весна 1762 г. буквально расцвела яркой палитрой красок⁵⁰, [ранее немислимой для военного мундира].

Начало правления Екатерины II было отмечено следованием ценностям предыдущего правления, однако постепенно ценность приобретают новые идеалы красоты. Они определяются комфортом и удобством, которые предлагала английская мода и которые были более привычны для традиционной маскулинности. Однако оглядка на версальскую моду еще не забыта: так, в качестве приверженца изящно-изошренной моды выступал «бриллиантовый князь» сановник А.Б. Куракин, который одевался по книге

вроде альбома, где находились образчики материй, из которых были сшиты его великолепные костюмы, и образцы платья; при каждом платье были особенная шпага, пряжки, перстень, табакерка⁵¹.

50 Егоров. 2014: 18.

51 Вайнштейн. 2005: 14.

Последние отголоски гендерно-перевернутой моды наблюдаются в 1780–1790-х гг., сходя на нет к концу столетия. Так, когда «... в 1795 году командир Козловского пехотного полка Иван Бибиков дал своему полку узкие шаровары, полусапожки со шнурками, короткие куртки, вышитые жабо и галстуки с черно-белыми бантами», это воспринималось с иронией и рассматривалось не иначе, как сумасбродство, карикатура⁵².

С началом правления Павла I, «гонителя на всякую роскошь, [который] отменно любил простоту»⁵³, его личные пристрастия стали причиной того, что в одночасье «роскошный, пышный двор преобразился в огромную кордегардию... тотчас все приняло другой вид: загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди»⁵⁴. В это время петиметры окончательно ушли в прошлое, выступая исключительно как объект сатиры⁵⁵. Основой мужского костюма стала английская модель с ее тяготением к упрощению и минимализму; они выражались прежде всего сдержанностью в цветовом и декорационном решении. Преимущество окончательно было отдано практичному сукну темных и неярких тонов, зачастую, серому во всем его многообразии.

Проведенный анализ позволил сделать некоторые выводы о специфике развития русского костюма как о культурной проблеме. Версальская мода подготовила особое понимание гендерных границ в культуре XVIII столетия. Затяжные войны привели к закономерной реакции, которая в

52 Панчулидзе. 1901: 212–213.

53 Бердников. 2008: 329.

54 Панчулидзе. 1901: 96.

55 Вайнштейн. 2005: 487.

мужском придворно–военном костюме проявилась в явном предпочтении условно женских элементов костюма — ярких тонких материй, ажурных отделок, легкомысленных аксессуаров, парфюмерии и грима. Оформление соответствовавшей этому маскулинности нового типа происходит во второй трети столетия. В это время остромодные «гендерно-перевернутые» элементы костюма приобретают особую роль визуального кода, указывающего на его статус их носителя в придворной иерархии.

Список источников и литературы

Андреева. 2013 — Андреева Е.А. Петербургская резиденция А.Д. Меншикова в первой трети XVIII в.: Описания палат, хором и сада: Исследование и документы. СПб.: Историческая иллюстрация, 2013.

Бакланова. 1928 — Бакланова Н.А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. // Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. Труды Государственного исторического музея. Вып. 4. Отдел исторический общий. М.: Нижполиграф, 1928. С. 5–118.

Балязин. 1999 — Балязин В.Н. Самодержцы: любовные истории царского дома. Кн. 1. М.: Олма-пресс, 1999.

Бердников. 2008 — Бердников Л.И. Щеголи и вертопрахи: герои русского галантного века. М.: Луч, 2008. 384 с.

Бордэриу. 2016 — Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Буровик. 1985 — Буровик К.А. Родословная вещей. М.: Знание, 1985. 224 с.

Вайнштейн. 2005 — Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса. 1994 — Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса в 1723–1724 гг. // Семейский М.И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. 1692–1724 / общ. ред. В.А. Артамонова. М.: Пресса, 1994. С. 368–373.

Градова. 1987 — Градова К.В. Театральный костюм. Кн. 2. Мужской костюм. М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1987. 192 с.

Гурлянд. 1903 — Гурлянд И.Я. Иван Гебдон, комиссариус и резидент. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1903.

Егоров. 2014 — Егоров В.И. «Наш восемнадцатый век...» // Наш восемнадцатый век: Военный сборник / гл. ред. В.И. Егоров. М.: Арт-Волхонка, 2014. С. 8–93.

Жаркова. 2013 — Жаркова Н.Ю. Имущество А.Д. Меншикова по неизвестной описи 1732 года // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 70. Петровское время в лицах –2013: К 400-летию Дома Романовых (1613–2013) / ред. В.В. Мещеряков, И.В. Саверкина. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013. С. 162–173.

Знаменитые россияне. 1996 — Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: биографии и портреты: по изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий» / сост. Е.Ф. Петинова; ред. Э.Ф. Кузнецова; пер.: А.Л. Ракова, В.А. Фатеев. СПб.: Лениздат, 1996.

Киреева. 1970 — Киреева Е.В. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века. М.: Просвещение, 1970.

Крейк. 2007 — Крейк Дж. Краткая история униформы (Форма напоказ: от традиционализма к вызову) / пер. с англ. И. Красильщика. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Лехович. 2013 — Лехович Т.Н. «О ношении никому богатых платьев...»: что стоит за указами Елизаветы Петровны против роскоши? // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXVII. М.В. Ломоносов и Елизаветинское время. Материалы конференции 23–25 ноября 2011 г. в Государственном Эрмитаже / науч. ред. Н.Ю. Гусева. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2013. С. 169–180.

Маккензи. 2010 — Маккензи М. Мода / пер. с англ. М. Копецкой-Линчевской. М.: Кладезь-букс, 2010. 158 с.

Миних. 1991 — Миних Э. Записки // Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720–е — 1760–е годы) / подг. текста и комм. Е. Анисимова. Л.: Худ. лит., 1991. С. 82–187.

Михневич. 1889 — Михневич В.О. Век эпикурейства. Черты нравов в России XVIII века // Наблюдатель. 1889. № 11. С. 38–54.

Опись. 2017 — Опись о гардеробе Его Императорского величества Петра Второго, платье и прочее // Павленко Н.И. Петр II. М.: Проспект, 2017. С. 280–284.

Павленко. 2002 — Павленко Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М.: Аст–Пресс–Книга, 2002.

Панчулидзев. 1901 — Панчулидзев С.А. История кавалергардов. 1724–1799–1899: в 4 т. Т. 2. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1901. 298 с.

ПСЗРИ I. 1830 — Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое. Т. I: 1649–1675. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830.

ПСЗРИ VI. 1830 — Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое. Т. VI: 1720–1722. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830.

Пушкарев. 1844 — Пушкарев И.И. История Императорской российской гвардии. Ч. 1. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1844. 379 с.

Роспись приданому. 1881 — Роспись приданому для Екатерины Романовны [Дашковой, урожденной графини Воронцовой] // Архив князя Воронцова. Кн. 21. М.: Унив. тип., 1881. С. 379–382.

Роспись приданому. 1898 — Роспись приданому 1717 г. // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Ч 4. М.: Тип. А. Мамонтова, 1898. С. 5–13.

Суслина. 2003 — Суслина Е.Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М.: Мол. гвардия, 2003.

Тихонов. 2011 — Тихонов Ю.А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.) / ред. А.Д. Власов. М.: Кучково поле, 2011.

Трефолев. 1882 — Трефолев Л.Н. Елизавета как щеголиха // Исторический вестник. 1882. № 9. С. 218–219.

Шамин. 2005 — Шамин С.М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1. С. 23–38.

Шапиро. 2016 — Шапиро Б.Л. Кружевные вещи в дворянском мужском костюме XVIII в. по материалам стговорных записей и росписей приданого // «История кружева — история страны»: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Москва, 3 ноября 2016 г. / сост. Рычкова Е.А. М.: Интерпринт, 2016. С. 38–44.

Шапиро. 2017a — Шапиро Б.Л. Всадники в кружевах: золото-серебряная отделка в мундирных и амуничных вещах XVIII в. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 2(75). С. 79–82.

Шапиро. 2017b — Шапиро Б.Л. Нарративная история придворной культуры XVII–XVIII вв. // Ценности и смыслы. 2017. №3. С. 120–128.

Шапиро. 2017c — Шапиро Б.Л. Русский костюм: между царством и империей // История: факты и символы. 2017. №12(3). С. 132–139.

Шапиро. 2018 — Шапиро Б. Л. История кружева как культурный текст. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 272 с.

Иллюстрации

Илл. 1. Аргунов И. П. портрет Черкасского Алексея Михайловича

Илл. 2. Неизвестный художник. Портрет А.Д. Меншикова.
1716–1720 гг. Меншиковский дворец

Илл. 3. Неизвестный художник. Портрет Петра II
Курская государственная картинная галерея

Илл. 4. Аргунов И.П. Портрет П.Б. Шереметева. 1760, Останкино

Илл. 5. Хойзер Г. Портрет неизвестного с камергерским ключом,
традиционно принимаемый за Артемия Вольнского.
Между 1743 и 1748 гг.

Илл. 6. Преннер Г.К. Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны со свитой. 1750–1755, Русский музей, СПб.